

Ирена Сытник

Дева и чудовище

Сказки для больших девочек

16+

Ирена СЫТНИК
Дева и чудовище

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Сытник И. Р.

Дева и чудовище / И. Р. Сытник — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Почти индийская мелодрама, с танцами, но без песен :) Злая судьба посмеялась над девой: выдали замуж за чудовище, но ей вопреки стала та королевой и повстречала любовь, пусть грешно. Всё в этой сказке не так однозначно, есть тут интриги крутой поворот. И атмосфера не так уж и мрачна, а муженёк не такой и урод.

СИРена

Дева и чудовище

2012

1

Леди Айскин зевнула, прикрыв ладонью рот, и посмотрела в зеркало. Руби, камеристка, старательно укладывала последний локон в изысканную причёску, когда в комнату вбежала запыхавшаяся Лота, вторая камеристка.

– Г-госпожа... – от волнения девушка даже начала заикаться. – Там... Там приехал граф Атонианский... Он желает вас видеть!

Леди Айскин так резко повернулась, что Руби, от неожиданности, уколола её шпилькой. Леди вскрикнула и шлёпнула служанку по руке.

– Безрукая королева! – гневно вскричала она.

– Простите, госпожа... – испуганно пролепетала служанка, отступая.

– Ты уверена? – обратилась леди Айскин к Лоте. – Это точно Его Светлость?

– Так мне сказал дворецкий... Это он послал меня к вам.

– С чего это графа принесло в такую рань? – забеспокоилась леди, вновь поворачиваясь к зеркалу.

– Не знаю, госпожа, – ответила Лота.

– Тебя, дуру, и не спрашивают! – огрызнулась леди Айскин. – Где граф сейчас?

– Дворецкий отвёл его в голубую гостиную.

– Тогда ступай и скажи Его Светлости, что я приду через несколько минут.

– Слушаюсь, госпожа, – присела в полупоклоне служанка.

– Да смотри, веди себя вежливо и почтительно. Правильно поклонись, как тебя учили. И не пялься на него, граф не любит, когда смотрят на его лицо.

– О, нет, госпожа! Я не буду смотреть на него... Он так безобразен!

– Отворачиваться тоже нельзя, он может обидеться. Веди себя естественно, как будто ничего не замечаешь.

– Да, госпожа... – пробормотала Лота и выскользнула за дверь.

Спускаясь на второй этаж, где находилась голубая гостиная, предназначенная для приёма высокопоставленных гостей, она бормотала под нос:

– Как же, не заметишь тут ничего, когда его уродство просто бросается в глаза... Да на него страшно смотреть! Настоящее чудовище...

Войдя в голубую гостиную, девушка увидела высокого человека, одетого в тёмный атласный костюм, отделанный белоснежным мехом и серебряной вышивкой. Он стоял к ней спиной, заложив руки назад, и смотрел в открытое окно, выходящее в сад. Лота втайне обрадовалась, что не видит его лица.

Склонившись в глубоком поклоне, девушка произнесла:

– Леди Айскин придёт через несколько минут, Ваша Светлость.

Граф даже головы не повернул, словно не услышал. Лота выпрямилась, минуту смотрела в прямую широкую спину, по которой струились тёмные сединой волосы, собранные в пучок и перевитые серебряной лентой, раздумывая, не повторить ли сообщение, но затем отступила и тихонько выскользнула из комнаты.

Граф медленно повернулся и посмотрел на закрытую дверь. Продолговатое мрачное лицо, обезображенное уродливыми шрамами, было неподвижным и застывшим, словно маска.

И только прищуренные тёмные блестящие глаза казались живыми: в их глубине отражались тщательно скрываемые чувства.

Послышались торопливые шаги, шелест шёлковых юбок, дверь распахнулась и в комнату вошла леди Айскин в сопровождении обеих камеристок. На губах женщины сияла приветливая улыбка, но в глазах притаилась тревога. Все трое склонились в глубоком реверансе, и граф ответил им вежливым поклоном. Движения гостя не отличались изяществом. Они были скованными и несколько неуклюжими. Это и понятно: Его Светлость не был салонным щёголем; большую часть жизни он провёл в седле и на поле боя.

– Доброе утро, сударыня, – приветствовал граф хозяйку. – Извините, что потревожил в столь ранний час, но я ехал мимо и решил заехать сейчас, так как возвращаться буду другой дорогой... У меня к вам небольшое дельце, которое я хотел бы обсудить наедине.

– Доброе утро, милорд! – сердечно ответила леди Айскин, продолжая приветливо улыбаться. – Всегда рада видеть вас в моём доме.

Тревога в глазах женщины сменилась любопытством. Она посмотрела на камеристок и жестом приказала удалиться. Девушки тут же, с нескрываемой радостью и облегчением, исчезли. Леди Айскин указала графу на одно из кресел, стоявших у огромного камина.

– Прошу вас присесть, милорд. Вина?

– Нет, спасибо.

Леди опустилась в кресло напротив и с любопытством уставилась на гостя.

Граф откинулся на высокую удобную спинку, положил ногу на ногу, сцепил на коленях руки и заговорил хриплым, сорванным в атаках голосом:

– Вы знаете, сударыня, что я долго отсутствовал дома, скитаясь по чужбине... Воевал в разных армиях, служа всевозможным правителям и королям. Недавно я вернулся домой – меня призвал семейный долг... Жизнь скитальца и наёмника не позволила мне жениться, поэтому сейчас, несмотря на преклонные года, я остался один, без супруги и без детей... Я баснословно богат, знатен и независим. В моём доме есть всё, кроме одного: в нём нет хозяйки. И я решил жениться. – Глаза леди Айскин испуганно распахнулись, а лицо слегка побледнело. – Я знаю, что далеко не молод и, мягко говоря, некрасив... И понимаю, что ни одна благородная девушка не пойдёт за меня по доброй воле. А я не желаю брать в дом женщину, которая будет не только не любить, но и ненавидеть меня. Поэтому решил жениться на простой, но хорошо воспитанной девице, сироте, которая, пусть и не полюбит меня, но будет, хотя бы, благодарна за то, что я её возвысил, дал положение в обществе и достаток... Я слышал, сударыня, у вас в доме есть такая девица – некая Элиссандра, ваша воспитанница.

– Святые Небеса! – в изумлении воскликнула леди Айскин. – Это невозможно!

– Невозможно? – В тёмных глазах графа отразилось удивление. – Почему? Она помолвлена?

– Нет!

– Так в чём причина?

– Элиссандра – рабыня!

– Рабыня?

Казалось, граф был шокирован. Хотя лицо его оставалось неподвижным и на нём не отразились никакие чувства, но глаза налились гневом. Он уставился на леди Айскин с таким выражением, словно хотел её немедленно убить. Женщина сжалась от страха и пролепетала:

– Простите, Ваша Светлость, что особое положение этой девушки ввело вас в заблуждение, но право, я и сама иногда забываю, что Элиссандра – невольница. Мало кто в доме помнит, что эта девица не свободная приживалка, а рабыня...

– Как так вышло, что рабыню воспитывали, как свободную? – В хриплом голосе графа прозвучали ледяные нотки.

– Это случилось не по моей вине... – словно оправдываясь, пробормотала женщина. – Это всё покойный супруг... Это он шестнадцать лет назад привёз девочку в замок и приказал растить и воспитывать совместно с нашими детьми... Он питал необъяснимую привязанность к малышке – я даже ревновала... – Леди Айскин отвернулась к окну и сердито поджала губы. – Подозреваю, что Элиссандра – его дочь от какой-нибудь потаскушки... После смерти супруга я сразу указала бастарде на её законное место, и сейчас она прислуживает моей дочери. Однажды я даже хотела продать эту девку, но дочь отговорила меня, так как очень привязалась к Эллис.

Граф резко поднялся и порывисто зашагал по комнате. Затем повернулся к леди Айскин и произнёс:

– Что ж... Это даже упрощает дело. Я хочу выкупить у вас эту девушку!

Леди Айскин была поражена.

– Вы всё равно хотите жениться на ней?!

– Я могу себе это позволить... Я сам себе господин и больше никто не может мне указывать, что я могу, а что не могу делать! – с некоторой горячностью воскликнул граф. – Сколько вы хотите за Элиссандру?

Леди Айскин минуту отходила от шока, а потом осторожно ответила:

– Я могу отдать вам Эллис бесплатно... Более того, никто и никогда не услышит из моих уст, что она... была рабыней... И я дам девушке приданое, если... – она запнулась и бросила на графа настороженный взгляд, – ...если вы простите наш земельный долг...

– Согласен, – не раздумывая кивнул граф.

Леди глубоко вздохнула, переводя дух, и искренне улыбнулась.

– Когда свадьба?

– Примерно, через месяц. Я пришлю письмо с точной датой. Венчание состоится в вашем храме, пира не будет. Сразу после обряда мы уедем.

Леди Айскин согласно кивала. Её вполне устраивали такие условия.

– Ну что ж, раз мы обо всём договорились, я покину вас, леди. Готовьтесь к торжеству, готовьте приданое... На этом разрешите откланяться...

– А... Разве вы не хотите взглянуть на... невесту?

– Я увижу её у алтаря, – обронил граф, коротко поклонившись. – До свидания, сударыня.

– До свидания, милорд, – присела в реверансе леди Айскин.

Когда за графом закрылась дверь, женщина с облегчением вздохнула и прошептала:

– Бездушное чудовище... Слава богам, что ему не приглянулась моя Люсиль... Этот урод прав: ни одна порядочная девушка не захочет стать его супругой, даже несмотря на баснословное богатство и знатность. Только безродная рабыня ему и пара!

Позвонив в колокольчик, леди вызвала камеристок и приказала привести Элиссандру. Рабыня прибежала через несколько минут, запыхавшаяся, и склонилась в низком поклоне. Леди Айскин недовольно посмотрела на склонённую темноволосую головку, а когда девушка выпрямилась, лицемерно улыбнулась.

– Детка, у меня есть для тебя хорошая новость, – заговорила она елеиным голосом. – Один знатный господин хочет взять тебя в жёны.

Эллис бросила на госпожу испуганный взгляд.

– Знатный господин? Но...

– Я сказала ему, что ты рабыня, но это не остановило его пылкости... Он пожелал даже выкупить тебя. Радуйся, милочка, скоро ты станешь истинной леди. Из грязи, да в князи! – криво улыбнулась леди Айскин.

– Но я не хочу замуж! – воскликнула Элиссандра. – Мне всего шестнадцать!

– А твоего желания никто не спрашивает, идиотка! – вспыхнула леди. – Я знаю все твои желания: ты мечтаешь залезть в постель к Бриссу! Забудь о нём, маленькая дурочка! Ты станешь женой графа Атонианского, хочешь ты этого или не хочешь! Этот старый уродливый

дурак желает сделать тебя законной супругой, дать свободу, положение в обществе, сытую обеспеченную жизнь, а взамен не требует ни любви, ни обожания, а лишь покорность и благодарность! А она лепечет, что слишком молода для замужества. Пошла вон с моих глаз и готовься к свадьбе, а будешь упрямитесь, я выведу тебя на рынок и продам в портовый бордель!!!

2

Новость всколыхнула замок Айскин, как брошенный в болото булыжник застоявшуюся тину. Сам граф Атонианский, владыка и повелитель края, берёт в жёны безродную нищенку, приживалку в чужом доме! Неслыханное дело! Но лишь немногие завидовали счастью Элисандры. О графе в Атонианской долине ходили разные слухи, один хуже другого. Говорили, что он жесток и беспощаден, что скор на расправу, что безжалостен и вспыльчив – и это правда. Говорили, что наложницы графа долго не живут – он их или замучивает до смерти извращёнными жестокими пристрастиями, или убивает за малейшую провинность. О его уродстве вообще ходили слухи один невероятнее другого.

Все эти сплетни, конечно же, не прибавляли радости «невесте». Элиссандра находилась в каком-то горестном трансе. Прекрасные голубые глаза не просыхали от горьких слёз. Люсианна – подруга детских лет, а ныне госпожа девушки, не выдержав слёз служанки, пошла к матери и, буквально на коленях, умоляла отказаться от этого брака. Леди ответила дочери довольно резко:

– У тебя слишком доброе сердце, Люсиль. Но подумай лучше о себе, а не о рабыне. Знаешь ли ты, что твой любезный отец задолжал графам Атонианским огромную сумму за аренду земель? Если мы уплатим долг, то станем почти нищими. Замок и наши родовые земли отойдут Бриссу в день совершеннолетия, а ты останешься бесприданницей. Как ты думаешь, сколько молодых людей пожелают взять тебя замуж? Быть может, и тебе придётся пойти за мерзкого похотливого старика!

– Понимаю, мама, – пролепетала растерянная девушка. – Но разве замужество Эллис решит эту проблему?

– Конечно, глупышка! Граф обещал простить долг, как только эта девчонка станет его женой.

– Это всё равно, если бы вы продали её на рынке, – прошептала Люсиль.

– На рынке за неё не дали бы столько денег, – цинично улыбнулась леди Айскин.

Месяц – небольшой срок, если хочешь растянуть его подольше. Декада промелькнула за декадой, и вот приблизился тот роковой день, когда бедную девушку насильно поведут под венец. Напуганная рассказами о «женихе», Элиссандра не радовалась ни предстоящей «свободе», ни богатству, ни знатности. Она опасалась, что одну неволю поменяет на другую, и ещё неизвестно, какая из них хуже. Но девушка не могла ничего поделать: за ней строго следили, чтобы она не смогла убежать или оборвать такую драгоценную для леди Айскин жизнь. За несколько дней до свадьбы её вообще заперли в отдельной комнате, под круглосуточным наблюдением нескольких сиделок-надсмотрщиц.

Утром, в день бракосочетания, девушку начали готовить к торжеству. Граф прислал невесте роскошный наряд и великолепные украшения. Элисандру вымыли в душистой воде, затем долго втирали в кожу ароматные масла, отчего она стала гладкой, как шёлк, и приятно пахла. Уложили роскошные густые волосы в причудливую причёску, украшенную драгоценными заколками, жемчужными нитями, перьями и живыми цветами. После облачили в свадебный наряд, навесили украшения, как на новогоднее дерево, и закутали в полупрозрачное узорчатое покрывало. Теперь невеста была готова к выходу. Держа под руки, полубесчувственную

от волнения и усталости девушку вывели во двор и проводили к храму, где уже, в предвкушении зрелища, толпился народ.

Элиссандра шла, словно во сне. Ей казалось, что всё это происходит не с ней, как будто она наблюдает за собой со стороны. Когда девушку вводили в храм, на сторожевой башне ударил колокол. Гулкий низкий звук прокатился по двору и окрестностям, и Эллис невольно вздрогнула. Ей показалось, что это похоронный набат. А все эти люди, толпящиеся во дворе, с любопытством глазающие на неё, пришли на её поминки. По щекам несчастной побежали слёзы отчаяния, размазывая тщательно нанесённую служанками краску.

Её подвели к алтарю и поставили рядом с женихом. Сквозь мутную ткань покрывала и пелену слёз, Элиссандра не смогла рассмотреть будущего супруга, которого до этого знала только из рассказов. Она увидела высокую сверкающую светлую фигуру – граф, ради торжества, облачился в великолепный белоснежный костюм, расшитый золотыми нитями и украшенный драгоценными камнями, сверкавшими в пламени свечей и священных лампад. Вдруг она почувствовала, как сильные пальцы грубо схватили её за руку, и чуть не вскрикнула от страха. Пространство храма заполнилось гулом голосов и шарканьем ног – это вошли родственники и друзья венчающихся. Появились жрецы и церемония началась. Главный жрец долго читал молитву и произносил заклинания, брызгал на жениха водой и посыпал невесту зерном. Затем им связали соприкасающиеся руки в знак нерушимости семейного союза. Потом жрец начал опрашивать жениха и невесту, как того требовал обычай:

– Ответь нам, Адельфий Лиодот Трейвилт граф Атонианский, согласен ли ты взять в жёны находящуюся здесь девицу Элиссандру Ламас по доброй воле и собственному желанию?

– Да, – ответил граф.

Жрец обратился к невесте.

– Ответь нам Элиссандра Ламас, согласна ли ты стать женой находящегося здесь мужчины Адельфия Лиодота Трейвилта графа Атонианского по доброй воле и собственному желанию?

Эллис сначала и не поняла, что речь идёт о ней, и обращаются к ней, ведь впервые услышала своё полное имя. Рабы не имеют родовых имён, это привилегия свободных людей. А жрец назвал её полным именем – Элиссандра Ламас, и Эллис впервые почувствовала, что в её жизни что-то изменилось...

Не услышав ответа, жрец вынужден был повторить вопрос. Из транса, в который с самого утра была погружена Эллис, её вывела боль. Граф сильно сжал руку девушки, и она невольно вскрикнула;

– Ай!

Из-под покрывала голос прозвучал неразборчиво, и это можно было понять, как «да».

Жрец обрызгал их святой водой, окурил священным дымом и произнёс:

– Властью, данной мне Небом, объявляю вас мужем и женой! Отныне только смерть или воля богов может разлучить вас.

Храмовый хор запел торжественную песнь, и под поздравительные крики присутствующих граф снял с невесты, отныне супруги, покрывало и склонился для поцелуя.

Увидев над собой ужасное, изуродованное, отталкивающее лицо, Эллис задрожала от страха и закрыла глаза. Она почувствовала лёгкое прикосновение к губам, словно прохладный ветерок коснулся разгорячённых летним зноем уст, и невольно открыла глаза и встретила со взглядом супруга... И увидела в них то, что не замечал никто: бездонную неизбывную печаль глубоко несчастного человека. Удивлённая, она вдруг поняла, что граф – самый несчастный среди своих подданных. Поддавшись внезапному порыву, она поднялась на цыпочки и запечатлела лёгкий поцелуй на изуродованных губах. В глазах графа мелькнула искра удивления, но тут же погасла.

Супруг взял Элисандру за руку и повёл к выходу. Снаружи их встретил восторженный рёв толпы. Остановившись на ступенях храма, граф снял с супруги покрывало и предложил Эллис бросить его в толпу.

– Пусть оно определит, кто будет следующей парой, – сказал он.

Эллис швырнула покрывало группе молодёжи, стоявшей впереди. После небольшой потасовки куски покрывала достались нескольким счастливицам, которые поспешно спрятали их за пазуху.

Сквозь расступившуюся толпу они прошли к белоснежной карете, ожидавшей посреди двора. К ним приблизились друзья и родственники, с поздравлениями и пожеланиями счастья и долгих лет жизни. Первой к Эллис подошла Люсиль. Взяв подругу за руки, она грустно произнесла:

– Желаю тебе счастья и любви, Эли... Буду молиться богам и святым покровителям, чтобы твоя судьба сложилась как нельзя лучше.

– Спасибо, – прошептала растроганная девушка.

Граф тактично оставил супругу одну и отошёл в сторону, где его окружили кавалеры и дамы, присутствовавшие на торжестве. Все лицемерно улыбались и поздравляли господина, восхищаясь красотой супруги и его тонким вкусом. А он поглядывал на них безмолвно и свысока.

Но вот к графу приблизилась леди Айскин и сказала, указав на небольшую повозку, ожидавшую у ворот:

– Я сдержала слово, Ваша Светлость. Это приданое Эллис. Никто не скажет, что вы взяли в жёны нищенку...

– Благодарю... – обронил граф. – Я тоже сдержу своё слово: отныне вы мне ничего не должны... По сей день.

– О, благодарю вас, милорд! – просияла леди Айскин.

Граф пристально посмотрел на женщину и его изуродованные губы искривились. Наклонившись, чтобы его слова могла слышать лишь леди, он прошептал:

– За вашу доброту и щедрость, сударыня, я вам воздам тем же... Знайте же, что Элисандра не дочь вашего покойного супруга. Он был лишь её временным опекуном... Она – плод любви знатного господина и некой заморской аристократки. И я знаю, кто её отец, но вам, конечно же, не скажу. И ещё... Бойтесь гнева этого господина, если он – не приведи господи! – узнает, что его дитя низвели на положение рабыни в вашем доме...

Леди Айскин побледнела и отшатнулась, как от удара. Граф вежливо кивнул и отвернулся, направившись к супруге. Взяв её за руку, сказал:

– Нам пора, миледи.

Эллис, чувствующая себя неловко в этой толпе лицемерно улыбающихся людей, которые совсем недавно смотрели на неё свысока, была рада уйти хоть на край света, поэтому с удовольствием укрылась в уютной уединённости кареты.

Усадив супругу, граф выпрямился на ступеньках экипажа во весь свой немалый рост, и его громкий жёсткий голос перекрыл шум толпы:

– Слушайте и запоминайте! Я знаю, что среди вас ходят разные сплетни и кривотолки обо мне и моей супруге. Навсегда забудьте, кем она была, помните лишь, что теперь она графиня Атонианская, моя супруга, а ваша госпожа и повелительница. Впредь следите за своими языками, чтобы они не накликали на вас беду!

Сопровождаемый гробовым молчанием, граф сел в карету, слуга сложил ступеньки, вскочил на запятки, кучер стегнул шестёрку великолепных холёных лошадей, и карета, громяхая колёсами, покатила со двора. За ней тронулась повозка с приданным. А следом, лёгкой рысью, потрусила графская охрана.

3

Замок Трейвилт – резиденция графов Атонианских – возвышался на горе, господствовавшей над обширной плодородной Атонианской долиной и закрывавшей её от холодных зимних ветров широкой каменной спиной. Это было большое грозное, но не лишённое строгой красоты сооружение. Дорога к нему предстояла долгая и утомительная. Вжавшись в угол кареты, Эллис грустно смотрела на проплывавшие мимо пейзажи, мелькавшие в щели между неплотно сдвинутыми шторками дверного оконца. Граф, откинувшись на мягкие подушки сиденья, молча покачивался рядом, и, казалось, даже не смотрел в сторону супруги, о чём-то угрюмо размышляя и глядя в другое окно. За всё время пути он не произнёс ни слова, и это угрюмое зловещее молчание пугало девушку больше угрожающих слов.

Измученная волнениями последних дней, свадебными приготовлениями и страхами, укачанная ритмичным покачиванием, Эллис незаметно уснула. Проснулась она, когда колёса кареты гулко загрохотали по деревянному настилу навесного моста над фортификационным рвом. Очнувшись от глубокого беспокойного сна, обнаружила себя в объятиях супруга. Уснув, она склонилась на его плечо, и он, осторожно обняв её за плечи, поддерживал всю дорогу, оберегая от тряски и резких толчков.

Осознав положение, девушка резко выпрямилась и пробормотала:

– Прошу прощения, господин...

Глаза супруга гневно сверкнули, но хриплый голос произнёс с необычной мягкостью:

– Эллис, вы уже не рабыня, а я не ваш господин, а супруг. У меня есть два прекрасных имени – Адельфий и Лиодот. Выбирайте, какое вам больше нравится... Но если вам трудно вот так сразу привыкнуть к своему новому положению, можете меня называть хотя бы «милорд». Но не «господин». Чтобы никогда больше я не слышал этого слова!

– Да, г... милорд... Слушаюсь, милорд... – пролепетала смущённая девушка.

Граф тяжело вздохнул и отвернулся.

Карета въехала в верхний двор и остановилась. Прибывших встречала толпа нарядно одетых слуг. Они приветствовали их восторженными криками и осыпали цветочными лепестками. Господин представил подданным и домочадцам графиню и приказал расходиться по местам. Угощение пообещал выставить вечером в нижнем дворе. Довольные слуги тут же разошлись в разные стороны.

Супруг провёл Элиссандру в замок и приказал подавать ужин, так как уже наступил ранний вечер.

Ели в одиночестве, за большим столом в огромной сумрачной комнате, освещаемой лучами заходящего солнца. Граф сидел за одним концом стола, а графиня за другим, напротив. Во время трапезы супруг всё время задумчиво посматривал на молодую жену, и Элиссандре кусок не лез в горло, несмотря на то, что она сильно проголодалась – у неё крошки во рту не было со вчерашнего дня. Страх, немного утихший во время поездки, вновь холодной змеёй вполз в душу. Её повергала в ужас предстоящая ночь... Брачная ночь. Она боялась супруга, но уже не столько из-за уродства или дурной славы, а из-за того, что должно было произойти между ними... Эллис была неискушённой шестнадцатилетней девочкой, воспитанной в строгости и целомудрии. О том, что бывает между мужчиной и женщиной, она знала понаслышке и представляла туманно. Единственное, что она знала наверняка, что должна будет раздеться до сорочки и лечь с супругом в одну постель. И безропотно выполнять всё, что он ей прикажет. Сердобольные стражницы предупредили, что сначала будет очень больно и неприятно, но она должна терпеть и не жаловаться – мужчины этого не любят. Как бы больно или противно ей ни было – она должна покорно сносить все действия супруга – таково её предназначение. Но что конкретно он будет с ней делать – женщины не сказали. И эта неизвестность пугала больше всего.

Стараясь оттянуть этот роковой момент, Эллис нехотя ковырялась вилкой в тарелке, стараясь растянуть ужин на как можно более длительное время. Граф уже давно покончил с едой и, откинувшись на спинку стула, цедил вино из большого золотого кубка, мрачно поглядывая на еле жуящую супругу.

Наконец он не выдержал и спросил:

– Миледи, вы решили затянуть ужин до завтрака? Не знаю, как вы, а я устал. К тому же, нас ждёт некое небольшое приятное дельце...

Эллис вспыхнула от смущения, и её щёки залил очаровательный румянец.

– Простите... милорд. Я уже заканчиваю... – прошептала она.

– Да уж, постарайтесь, если не хотите, чтобы я уснул за столом.

Кое-как Эллис доела салат и вышла из-за стола. Граф взял её за руку и повёл наверх, в приготовленные молодым покои.

Элиссандру, до этого жившую в крошечной тесной комнатке под крышей, больше похожей на кладовку с висящим над самой головой чёрным закопчённым пыльным потолком, поразили пышность и великолепие графских покоев. Супруг провёл её по помещениям, занимавшим почти половину третьего этажа и состоявшим из более десятка комнат, и сказал, что всё это принадлежит лично ей, Элиссандре Ламас Трейвилт графине Атонианской. Больше всего девушку поразила спальня – огромная светлая комната, посреди которой возвышалась невообразимо большая деревянная резная кровать, укрытая вышитым розовым балдахином. Окна прикрывали бордовые бархатные шторы, а пол покрывал толстый мягкий узорчатый ковёр в красных тонах. К спальне примыкала большая ванная комната с бронзовой ванной и небольшим мраморным бассейном, возвышавшимся над полом, в который вела деревянная лесенка. Рядом с ванной и спальней находилась гардеробная с высокими шкафами, широкими ларями и отдельными вешалками-подставками для платьев. Здесь же стояли сундуки с приданым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.